

услышал злой шопот убийц за полотнищем шатра и, объятый дрожью страха, заплакал; его попин и отрок, увидев его «дряхла (т. е. ослабевшего от страха) и печалию облияна суща зело» сами не могли удержать слез и т. д. Все эти черты, не лишённые налета излишней чувствительности, заставляют читателя сопереживать описываемые события, сочувствовать чувствам героев. В том же плане сделан литературный портрет Бориса с его веселым лицом и добрыми глазами.

Лазарь умеет использовать разнообразные литературные средства и формы — торжественный панегирик и яростное обличение, тонкую ироническую усмешку в рассказе с ногтем Глеба и молитвенные отступления. Он с мастерством и удивительным чутьем пользуется приемом контраста, сопоставляя добро и зло, черное и белое, бросая на события то ясный свет, то мрачную и тревожную тень. Поддерживая неослабевающий интерес читателя, Лазарь искусно меняет ритм повествования, то ускоряя, то замедляя его, достигая этим приемом в рассказе о гибели Бориса огромного драматического напряжения.

Такова идейная и художественная значимость «Сказания», выдающегося произведения русской литературы времени Мономаха, эпохи окончательного заката славы Киевской державы и грозных народных восстаний. Его автор переяславльский епископ и сподвижник Мономаха — Лазарь — по праву должен занять свое место в ряду крупнейших и славных писателей русской древности. Его место рядом с самим Мономахом и «игуменом Русской земли» Даниилом, но ближе к безымянному гению, создавшему «Слово о полку Игореве», так как в «Сказании» нашли широкий отклик народные идеи о справедливости и правде, о силе и славе родной Русской земли, а художественная ткань «Сказания» сблизилась с народным творчеством.

«Сказание» Лазаря меньше всего похоже на церковное житие, хотя оно имеет форму жития и содержит много элементов церковности. Это сложное произведение, сочетающее различные жанры, умело сплавленные Лазарем в единое и архитектурно-строительное целое. Подобно русским плотникам XI—XII вв., высокое искусство которых было еще не дифференцировано, которые с равным мастерством работали в разных «жанрах», строя избы и хоромы, храмы и крепости, перенося приемы гражданского зодчества в культовое, создавая единое русское зодчество древнейшей поры,¹⁴⁸ — подобно им епископ Лазарь обладал многогранным литературным талантом, используя в едином произведении приемы разных жанров. В этом своеобразии построения и формы «Сказания» содержится ответ на недоуменный вопрос С. А. Бугославского: почему автор «Сказания» не воспользовался «более полным» (?) «готовым житием» и обратился за подробностями не к Нестору (их у него как раз и не было), а к летописи и придал своему оригинальному произведению своеобразную трехчастную форму: житие, похвала, сказание о чудесах.¹⁴⁹ С. А. Бугославский, видимо, исходил из мысли, что литература могла двигаться только в русле образцов и традиций.

Разнообразие стилистических оттенков его сочинения, бывшее одним из доводов в пользу гипотезы С. А. Бугославского о нескольких авторах «Сказания о чудесах»¹⁵⁰, принадлежит одному Лазарю, свидетельствуя о богатстве и тонкости литературного таланта маститого автора, прошедшего долгий служебный путь и бывшего свидетелем почти более полувека

¹⁴⁸ Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств, М.—Л., 1952, стр. 276.

¹⁴⁹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 142—143.

¹⁵⁰ С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XIV.